E 81
301

2007041006

81/301

801-00
910-X

ЕЩЕ О СУЩНОСТИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ И О ПРИМѢНЕНІИ ЕЯ ВЪ ЮГОЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Возраженіе г. Рашета, помѣщенное въ 130 № »Кіевлянина«, показало ясно, что наши статьи попали въ больное мѣсто. Г. Рашетъ взволнованъ и раздраженъ нелестнымъ объ немъ заключеніемъ, огорченъ отзывомъ о мнѣніи г. Миллера, находитъ ядовитымъ даже скромное замѣчаніе о краткости его мнѣнія. Тонъ, не отличающійся особеннымъ спокойствіемъ, свѣдѣнія—юридическою положительностію, способъ доказательствъ, по меньшей мѣрѣ, выказавшій растерянность, если не болѣе, самое, наконецъ, теченіе рѣчи и грамматическій ея складъ,—не лишенные своеобразности—все это отнимало у насъ охоту, отвѣчать г. Рашету. Но, прочтя внимательно его возраженіе, мы замѣтили, что оно предетавляетъ интересъ, не имѣющій ничего общаго ни съ юридическими свѣдѣніями, ни съ способомъ изложенія, а тѣмъ менѣе съ личностію г. Рашета, и этотъ-то интересъ побу-

[Киев], 1866

дилъ насъ написать еще одну статью въ дополненіе къ прежней. Впрочемъ, мы взяли на себя этотъ трудъ только съ тѣмъ условіемъ, 1) чтобы г. Рашетъ не принялъ снова нашихъ возраженій за извѣстіе о немъ лично, и 2) чтобы онъ вѣрилъ своимъ собственнымъ словамъ, скрѣпленнымъ его подписью.

Обращаемся къ самой статьѣ г. Рашета:

Нашъ оппонентъ вообразилъ, что въ нашемъ спорѣ рѣчь идетъ о пользѣ введенія судебной реформы въ юго-западномъ краѣ, и спрашиваетъ: »какъ, когда и гдѣ я (Рашетъ) возражалъ противъ пользы введенія реформы въ краѣ?« Забавная наивность: неужели послѣ того, какъ вся Россія приняла реформу съ благоговѣніемъ и восторгомъ, когда каждая губернія ждетъ, какъ новой жизни, своей очереди увидѣть у себя новые суды, неужели послѣ того, какъ въ Высочайшемъ манифестѣ 20 ноября 1864 г. было призвано благословеніе Всевышняго на успѣхъ великаго дѣла (судеб. реформы), возможенъ еще споръ съ кѣмъ-бы-то ни было о пользѣ и необходимости судебной реформы? Если-бы г. Рашетъ вздумалъ оспаривать эту пользу, мы-бы, конечно, не вступали съ нимъ въ преніе. Рѣчь шла о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ югозападномъ краѣ, и здѣсь г. Рашетъ по-

ложительно утверждаетъ невозможность этого введенія. Вотъ заключительныя, и безъ всякихъ оговорокъ, слова его мнѣнія, представленнаго министру юстиціи: »введеніе суд. уставовъ 20 ноября въ этотъ край въ настоящее время *невозможно*«. Къ тому-же результату приходитъ г. Рашетъ, самъ того не замѣчая, и въ своихъ новыхъ возраженіяхъ. »Ежели, говоритъ онъ, правительство не довѣряетъ полякамъ, считаетъ ихъ еще опасными для края, то вводить судебную реформу, въ какомъ-бы-то ни было видѣ, не слѣдуетъ и нельзя; если-же правительство считаетъ, что горсть поляковъ, находящихся въ краѣ, уже не можетъ вредить, то конечно слѣдуетъ безотлагательно ввести реформу. Какъ смотритъ,—продолжаетъ онъ—правительство на польскій вопросъ—я не знаю; какое мое собственное мнѣніе—я нигдѣ не объясняю, а стараюсь только доказать, что если придерживаться мнѣнія Миллера объ опасности поляковъ, то введеніе судебной реформы *положительно невозможно и неосуществимо на дѣлѣ*«. Безъ сомнѣнія, въ настоящемъ случаѣ, ни для кого не можетъ быть загадкою истинная мысль г. Рашета: поставить поляковъ, какъ средство отклонить реформу, потому что каждому живущему въ краѣ извѣстно (а Рашету болѣе, не-

жели кому-либо, такъ какъ онъ находится на службѣ, хотя онъ, вѣроятно только по скромности, выдаетъ себя за несвѣдущаго), что мѣстное управленіе поставлено въ необходимость замѣнять въ личномъ служебномъ составѣ польскій элементъ русскимъ. Да, наконецъ, напрасно г. Рашетъ думаетъ, что онъ не согласенъ съ прокуроромъ Миллеромъ, и съ нѣкоторою таинственностію увѣряетъ, что онъ нигдѣ не объясняетъ своего взгляда на польскій вопросъ. Вотъ собственныя слова его мнѣнія, представленнаго министру юстиціи: »нельзя не признать, что, при недовѣріи правительства къ полякамъ, *невозможно* ни въ какомъ случаѣ ихъ, допустить къ занятію должностей (присяжныхъ), *такъ какъ большая часть поляковъ принадлежитъ къ достаточному классу общества и всѣ они гораздо болѣе развиты, чѣмъ большая часть прочаго населенія, и притомъ примѣръ послѣднихъ безпорядковъ показалъ уже, какое вліяніе можетъ имѣть горсть людей на массу*«. Для всякаго, понимающаго русскій языкъ, должно быть ясно, что въ подчеркнутыхъ словахъ высказывается собственное мнѣніе г. Рашета о польскомъ вопросѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждому должно быть ясно, что въ настоящемъ случаѣ поляки служатъ только средствомъ для дока-

зательства, что »вводить судеб. реформу въ нашъ край, *въ какомъ-бы-то ни было видѣ не слѣдуетъ и нельзя*«, по выраженію самаго г. Рашета.

Но дѣйствительно-ли поляки составляютъ, такое существенное препятствіе для введенія у насъ судеб. реформы? Г. прокуроръ Миллеръ и вслѣдъ за нимъ, мы отрицаемъ это, и утверждаемъ, что, сдѣлавъ самыя незначительныя и несущественныя уклоненія отъ судебныхъ уставовъ, правительство, совершенно безопасно и съ полнымъ успѣхомъ, можетъ ввести въ нашемъ краѣ судебную реформу. Г. Рашетъ утверждаетъ, что эти измѣненія исказятъ и изуродуютъ реформу, и съ особенною запальчивостью требуетъ реформы полной безъ всякихъ уклоненій. Конечно, запальчивость эта весьма удобнаго свойства, и г. Рашетъ можетъ совершенно спокойно горячиться, требуя реформы безъ всякихъ исключеній: онъ знаетъ, что правительство никогда не рѣшится ввести полной реформы. Дѣло только въ томъ, что предлагаемыя нами уклоненія совершенно незначительны, неизмѣняютъ существа устава и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ необходимы для здѣшняго края. Они заключаются въ слѣдующемъ:

Первое допустить правительственныхъ миро-

вых судей, вместо избранных земством. Г. Рашет утверждает, что такая замена изуродует судебные уставы и исказит значение мировых судей; но эти уверения доказывают только то, что г. Рашет не знаком с институтом мировых судей, иначе-бы он знал, что европейская наука и практика вовсе не считают абсолютным преимущество выборных мировых судей и, можно сказать, гораздо более расположены к правительственным мировым судьям. В Англии, первоначальной родине мировых судей, они избирались только до 1327 года; с этого времени и до-сих пор они назначаются от короны из лиц, владеющих известным поземельным доходом. Франция, во время своей большой революции, перенесла к себе английское учреждение, но дала ему другое значение и поставила его в иное отношение к правительству. Законом 1790 г. каждый кантон избирал для себя мирового судью; для избрания требовался 30-летний возраст и больше ничего, даже не требовалось общаго образования, и избрание не нуждалось в утверждении правительства. Скоро, однакож, опыт показал, что избранные судьи не принадлежат к нотаблям ума, личных достоинств, общественнаго положения (как надеялись авторы

закона 1790 г.), и что большей частью не соотвѣтствуютъ обширнымъ и труднымъ своимъ занятіямъ; а потому, распоряженіемъ перваго консула, а еще болѣе хартіею 1815 года и закономъ 1845 года, было рѣшено назначать мировыхъ судей отъ короны изъ лицъ, имѣющихъ извѣстныя условія. Опытъ другихъ странъ (рейнскихъ провинцій, присоединенныхъ къ Пруссіи, Бадена, Баваріи) равнымъ образомъ показалъ, что достоинство мировыхъ судей заключается не столько въ выборномъ земскомъ ихъ происхожденіи, сколько въ требуемыхъ отъ нихъ знаніяхъ, способности, опытности, общественномъ положеніи. Послушайте въ заключеніе, что говорятъ о мировыхъ судьяхъ люди, болѣе знакомые съ этимъ дѣломъ, нежели мы съ вами, г. Рашетъ: »Наши законодатели, 50 лѣтъ назадъ, начертали намъ блестящіе идеальные образы мировыхъ судей, казалось ничто не могло быть привлекательнѣе этой патріархальной, избранной народомъ, магистратуры. Однакожъ, эти пышныя описанія вызываютъ теперь только улыбку, обольстительныя надежды осуществились далеко не вполнѣ. Въ провинціяхъ и деревняхъ оказалась крайняя скудость въ людяхъ, пригодныхъ и способныхъ выполнить высокое призваніе мировыхъ судей, и правитель-

ство было вынуждено принять ихъ назначеніе на себя. Къ сожалѣнію, продолжаетъ тотъ-же авторъ, правительство назначило слишкомъ слабыя условія, требуемыя для мировыхъ судей, и потому ихъ должности стали занимать отставные грефье, нотаріусы, разные дѣльцы, фармацевты, торговцы, и вообще люди, которымъ не удалось составить себѣ лучшей карьеры. Поэтому учрежденіе мировыхъ судей въ настоящее время находится въ большомъ упадкѣ, его необходимо поднять, а наиболѣе вѣрное для этого средство заключается: 1) въ требованіи отъ каждаго кандидата степени лиценціата и даже спеціальнаго экзамена изъ тѣхъ предметовъ, которые ближе всего къ занятіямъ мировыхъ судей; 2) въ установленіи ихъ несмѣняемости и, слѣдовательно, независимости; и наконецъ 3) въ выборѣ ихъ изъ людей, пользующихся достойнымъ общественнымъ положеніемъ«.* Въ такомъ-же духѣ говорятъ Henrion de Pansey, Treilhard и многіе другіе.

Все приведенное, быть можетъ, убѣдитъ васъ, г. Рашетъ, что достоинство мировыхъ судей не непремѣнно заключается въ ихъ выборномъ и земскомъ характерѣ, а въ ихъ

---

* Bordeaux: proc. civ.

свѣдѣніяхъ, способностяхъ и независимомъ положеніи, и что по этому правительство, безъ большаго опасенія, можетъ замѣнить въ нашемъ краѣ мировыхъ судей выборныхъ—назначенными отъ короны. Кстати, еще о названіи мировыхъ судей: въ мнѣніи, поданномъ вами министру, вы говорите, что названіе мировыхъ судей происходитъ отъ того, что они занимаются примиреніемъ. Мы приняли было это за неосторожную съ вашей стороны обмолвку, но изъ нашихъ возраженій мы увидѣли, что это была не игра случая: съ самоувѣренностію, достойною лучшаго дѣла, вы говорите: »мировой судья по закону обязанъ мирить и уговаривать всѣхъ безъ исключенія тяжущихся —вотъ почему онъ называется мировой судья«. Намъ кажется, что нашъ оппонентъ въ настоящемъ случаѣ даетъ намъ нѣкоторое право отчасти представить ему доказательство нашей готовности, за легко получаемое нами, по его словамъ, жалованье, оказать хотя ему нѣкоторую услугу и подѣлиться съ нимъ слѣдующимъ: названіе мировыхъ судей было заимствовано Франціей отъ англійскаго justice of the peace (которое, въ свою очередь, произошло отъ conservatores pacis), отсюда перешло въ Европу и къ намъ; но въ Англіи и цѣлой Европѣ миро-

вые суды сохранили свое настоящее названіе не въ качествѣ примирителей, посредниковъ (arbitres), но въ смыслѣ охранителей мира, земскаго, королевскаго (conservatores pacis, Friedensrichter, juges de paix).

Второе отклоненіе отъ судебныхъ уставовъ, предлагаемое г. Миллеромъ (и которое мы раздѣляемъ), заключается въ томъ, чтобы опредѣлить процентъ польскихъ уроженцевъ въ числѣ 12 присяжныхъ, и тѣмъ отнять у польскаго населенія, болѣе дѣятельнаго и интеллигентнаго, возможность преобладать въ судахъ въ качествѣ присяжныхъ. Надѣемся, что всякій безпристрастный и свѣдущій человѣкъ не сочтетъ этой мѣры стѣсненіемъ для поляковъ, а тѣмъ менѣе искаженіемъ существа судебныхъ уставовъ или же института присяжныхъ. Да, наконецъ, и самъ г. Рашетъ, въ мнѣніи поданномъ г. министру, требуетъ гораздо большаго: »примѣръ послѣднихъ безпорядковъ, говоритъ онъ, показалъ уже, какое вліяніе можетъ имѣть горсть людей на массу, изъ него можно вывести, что такое же вліяніе они могутъ имѣть если попадутъ, хотя и не въ значительномъ числѣ, въ листы присяжныхъ засѣдателей, въ рукахъ которыхъ будетъ судьба стольких людей«. Къ этимъ словамъ намъ прибавлять нечего. Чита-

тель самъ можетъ видѣть, какъ легко забываетъ нашъ противникъ свои собственныя слова, и слѣдовательно, какъ мало могутъ полагаться на нихъ другіе.

Третье уклоненіе относится къ присяжнымъ адвокатамъ, къ занятіямъ которыхъ г. Миллеръ предлагаетъ не допускать поляковъ. Г. Рашетъ видитъ въ адвокатахъ элементъ земскій, и утверждаетъ, что подобное исключеніе поляковъ исказитъ сущность реформы. Но всякому, маломальски знакомому съ дѣломъ, извѣстно, что сословіе адвокатовъ не отличается мѣстнымъ характеромъ: оно идетъ туда, гдѣ больше кліентовъ, и гдѣ выгоднѣе его занятія. Допущеніе или недопущеніе поляковъ къ занятіямъ адвокатовъ нисколько не измѣняетъ сущности реформы; утверждать противное этому, или же бояться, что не придутъ въ нашъ край адвокаты русскіе, можетъ не г. Рашетъ, а могутъ только люди, симпатизирующіе крайовымъ пройдохамъ и ихъ позорной дѣятельности.

Вотъ всѣ уклоненія, предложенныя г. Миллеромъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ немедленное введеніе въ нашемъ краѣ судебныхъ установъ. Мы старались доказать, что эти уклоненія далеко не относятся въ сущности реформы и совершенно незначительны, и глубоко

убѣждены, что видѣть въ нихъ коренное препятствіе для введенія новыхъ судовъ можетъ только тотъ, кто желаетъ остаться при старыхъ порядкахъ, или же кто не знаетъ и не понимаетъ судебныхъ уставовъ 1864 г.

На этомъ пока остановимся. Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ къ характеристикѣ главныхъ частей судебной реформы. Нашъ оппонентъ можетъ, если ему угодно, снова упрекнуть насъ въ размазываніи. Но, что же дѣлать, когда намъ приходится, для разъясненія ему дѣла, излагать самыя элементарныя свѣдѣнія. Repetitio est mater stud.orum—это правило забылъ г. Рашетъ, и намъ поневолѣ приходится напоминать его и повторять то, что многимъ и безъ насъ очень извѣстно. Мы ли въ томъ виноваты?.

Покончивъ съ возраженіями нашего оппонента противъ возможности введенія въ югозападномъ краѣ новыхъ судовъ, переходимъ къ вопросу о характеристикѣ главныхъ основаній судебной реформы. Въ мнѣніи г. Рашета, представленномъ г. министру, онъ говоритъ: »Уставы 20 ноября производятъ совершенный переворотъ въ нашемъ настоящемъ судопроизводствѣ *главнымъ образомъ потому*, что основаны *на выборномъ началѣ, на земствѣ;* правительство предоставляетъ *земству:* 1) изъ среды себя выбирать

себѣ судей, 2) самому участвовать въ рѣшеніи участи своихъ членовъ, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, 3) наконецъ учреждаетъ корпорацію повѣренныхъ, въ которую можетъ вступать, при извѣстныхъ условіяхъ, всякій«. По здравому смыслу изъ этихъ словъ ясно видно, что сущность реформы, по мнѣнію Рашета, заключается въ выборномъ началѣ, земствѣ, и что всѣ три пункта относятся, какъ зависимыя видовыя понятія, къ понятію родовому—земству. Не смотря на этотъ смыслъ, совершенно ясный, г. Рашетъ находитъ возможнымъ отречься отъ него и утверждать, будто бы онъ характеризовалъ »сущность реформы установленіемъ суда присяжныхъ и сословія адвокатовъ!« Убѣдительно просимъ нашего оппонента найти эту характеристику въ его мнѣніи; мы не были такъ счастливы въ нашихъ поискахъ, и нашли только тѣ строки, которыя выписаны выше.

Безъ сомнѣнія, каждый сколько-нибудь знакомый съ судеб. уставами найдетъ характеристику сущности реформы, сдѣланную г. Рашетомъ (выборное начало, земство), въ высшей степени несообразною съ этими уставами. Вслѣдствіе этого мы отвергли ее и представили свою. Г. Рашетъ увѣряетъ, что наша характеристика не-

сколько несущественна, и что »изъ пяти приведенныхъ нами пунктовъ можно смѣло выкинуть четыре«. Одна смѣлость еще не есть высокая добродѣтель; особенно смѣлы бываютъ тѣ, которымъ трудно что-либо потерять; и, признаемся—смѣлое соединеніе г. Рашетомъ предложенныхъ нами 5 пунктовъ въ одинъ можетъ невольно вызвать у человѣка, менѣе смѣлаго, но болѣе знакомаго съ дѣломъ, не совсѣмъ смѣлую мысль: не такъ же ли знакомъ нашему возражателю и старый порядокъ судопроизводства, который онъ практикуетъ каждый день, какъ знакомы ему новые судебные уставы.

Обратимся, однакоже, къ пяти пунктамъ. Мы сказали: »сущность судебной реформы заключается, во-1-хъ, въ »*условіяхъ, требуемыхъ для занятія судебныхъ должностей*«. Г. Рашетъ отвѣчаетъ, что условія для занятія судебныхъ должностей нисколько не измѣнились, а *лишь точнѣе опредѣлены въ новомъ уставѣ*«. Изъ этихъ словъ должно заключить, что въ прежнихъ уставахъ они хотя опредѣлялись менѣе точно, но все-таки опредѣлялись. Позвольте же спросить, гдѣ вы находите въ нашемъ Сводѣ, какія-бы-то ни было опредѣленія, хотя-бы и совершенно неточныя, условій для занятія судебныхъ должностей? Въ Сводѣ законовъ опредѣляются только одни об-

ція условія для вступленія въ государственную службу, а другихъ опредѣленій, смѣемъ увѣрить, вы не найдете. Если въ настоящее время министерство юстиціи и замѣщаетъ вакансіи по судебному вѣдомству воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, то это дѣлаетъ только честь его доброй волѣ, и болѣе ничего; всякій знаетъ, что наши прежніе судьи, предсѣдатели и члены палаты, были выборные, и потому совершенно легко могли попасть въ судьи лица, совершенно не приготовленныя къ судебнымъ должностямъ, иногда даже непосредственно послѣ командованія эскадрономъ, ротами, или даже морскимъ экипажемъ. Между тѣмъ новые судеб. уставы постановили общимъ правиломъ, чтобы должности судебныя и прокурорскія замѣщались »не иначе«, какъ изъ лицъ, окончившихъ высшія учебныя юридическія заведенія, или же изъ лицъ, доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части (ст. 202 суд. учр.). По независимо отъ этой статьи, въ уставѣ есть цѣлый отдѣлъ (гл. I. отд. 1. ст. 200—212), опредѣляющій другія, и весьма важныя, условія для занятія по судебному вѣдомству,— и только одна самоувѣренная разсѣянность могла подсказать г. Рашету желаніе уничтожить предложенный нами первый пунктъ.

Во-2-хъ мы сказали, что сущность судебной реформы заключается въ *самостоятельности новыхъ судовъ*. Г. Рашетъ уничтожаетъ эту черту, утверждая, »что положеніе судовъ въ отношеніи ихъ самостоятельности ни насколько не измѣняется: какъ новые, такъ и старые суды ни въ какомъ отношеніи, въ особенности по гражданскимъ дѣламъ, и послѣ изданія правилъ 11-го октября не зависятъ отъ администраціи и ей не подчинены«. Безъ сомнѣнія многіе уѣздные суды и даже гражданскія палаты послали бы горячія молитвы за нашего почтеннаго оппонента, если бы въ его словахъ была хотя небольшая доля истины; но увы, эти учрежденія слишкомъ хорошо знаютъ, какъ дѣйствуетъ на нихъ вліяніе административной власти. Неужели сила подобнаго вліянія совмѣстима съ самостоятельностію судовъ? Счастливъ, кто доволенъ малымъ, но составители новыхъ судеб. уставовъ не раздѣляли довольства г. Рашета и опредѣлили самостоятельность судовъ совершенно въ другомъ духѣ. Прочтите статьи уставовъ о порядкѣ опредѣленія къ должностямъ по судебному вѣдомству, объ увольненіи отъ службы и перемѣщеніи (несмѣняемость) (ст. 212—235), о правахъ и преимуществахъ лицъ судебнаго вѣдомства

(235—248)*, о надзорѣ за судебными установленіями и лицами судебнаго вѣдомства (249—260), объ отвѣтственности лицъ судебнаго вѣдомства (261—269) и преданіи ихъ суду (1079—1084 угол. уст.); прочтите, говоримъ мы, эти статьи, и, надѣемся, что, при всей скромности вашихъ желаній, вы увидите, какая бездна лежитъ между самостоятельностію новыхъ и старыхъ судовъ, и, быть можетъ, убѣдитесь, что мы имѣли право поставить самостоятельность судовъ характеристическою чертою судебной реформы.

Впрочемъ, намъ кажется, что г. Рашетъ говоритъ объ этой самостоятельности старыхъ судовъ болѣе въ шутку, или же по забывчивости, потому что черезъ нѣсколько строкъ, въ той же статьѣ его, мы читаемъ: »въ нашихъ судахъ выборные члены (замѣтьте, что эти выборные члены были предсѣдатели, засѣдатели, судьи, члены, т. е. почти все присутствіе) всегда ровно ничего не значили, какъ люди или не образованные, или юридически не подготов-

---

* Въ числѣ этихъ статей есть напр. 248, на основаніи которой предсѣдатели, товарищи предсѣдателей, члены судебныхъ мѣстъ и мировые судьи удостоиваются наградъ единственно по личному усмотрѣнію Императорскаго Величества.

ленные, при другихъ, уже опытныхъ и подготовленныхъ членахъ, присылаемыхъ отъ министерства, или при канцеляріи пріобрѣвшихъ себѣ опытность на практикѣ и державшихъ всегда подобныхъ членовъ у себя въ рукахъ!« Согласитесь, что люди, неумѣющіе сохранить своей независимости относительно своихъ подчиненныхъ канцеляристовъ, тѣмъ менѣе могутъ быть самостоятельны относительно административной власти, если бы даже и не существовало другихъ условій для уничтоженія этой самостоятельности.

Въ 3-хъ, къ сущности судебной реформы мы отнесли *новыя основанія самаго производства суда*. Г. Рашетъ хочетъ похоронить и эту черту, воображая себѣ, что »новое основаніе судопроизводства и заключается именно въ учрежденіи присяжныхъ и адвокатовъ, которые нами поставлены въ особомъ, 5 пунктѣ«. Простимъ у васъ извиненія, г. Рашетъ, но, совершенно противъ воли, намъ приходится опять подѣлиться съ вами нѣкоторыми свѣдѣніями и предложить вамъ для прочтенія слѣдующія статьи суд. уставовъ: о порядкѣ производства въ мировыхъ учрежденіяхъ (у. уг. гл. II—XI, у. гр. гл. IV, VI, VII, IX, X, XI, XII); затѣмъ въ уставѣ угол. судопр. о предварительномъ слѣдствіи

(разд. II), о порядкѣ преданія суду (разд. III); о порядкѣ производства судебнаго слѣдствія, приговоровъ (гл. VII), о поставленіи вопросовъ при рѣшеніи дѣлъ (гл. IX, от. I); о порядкѣ обжалованія рѣшеній (разд. V), объ исполненіи уголовныхъ приговоровъ (разд. VI). Въ уставѣ гр. судопр. мы ограничимся только указаніемъ на статьи: о производствѣ до слушанія дѣла (гл. V), о доказательствахъ (гл. VIII), объ апелляціи (р. II гл. I) и исполненіи судебныхъ рѣшеній (разд. V),—и надѣемся, что всего этого болѣе нежели достаточно, для убѣжденія каждаго, знакомаго съ содержаніемъ уставовъ, что установленіе присяжныхъ и адвокатовъ, по значенію своему, далеко не совпадаетъ съ новыми основаніями самаго производства суда.

Наконецъ въ 4-хъ, и указанная нами черта новаго суда—*устность и гласность суда* также приговорена г. Рашетомъ къ уничтоженію, »такъ какъ устность и гласность суда допущена уже правилами 11 октября, дѣйствующаго въ старыхъ судахъ«. Конечно, подобный приговоръ можетъ внушить одна безграничная смѣлость. Во-первыхъ, кто же не знаетъ, что производство въ нашихъ судахъ, и послѣ правилъ 11 октября, осталось письменное, и что самый докладъ въ нашихъ палатахъ состоитъ въ простомъ чтеніи

записки (въ противность ст. 92 правил.); и во-вторыхъ, кто же можетъ серьезно думать, что допущеніе публики къ слушанію *одного доклада* (даже и не приговора), и допущеніе изустныхъ объясненій тяжущихся или ихъ повѣренныхъ есть вещь тождественная съ дѣйствительной устностію и гласностію новыхъ судовъ*.

Мы разсмотрѣли все ученіе г. Рашета о сущности судебной реформы, и у насъ невольно возникаетъ сомнѣніе, не безполезно-ли мы потратили свой трудъ? Вѣдь нашъ оппонентъ доходитъ до такого юридическаго творчества, что увѣряетъ будто бы »*всѣ* преступленія *разбираются единственно* присяжными (земствомъ), безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, такъ какъ обязанность судей, по новому уставу, есть только примѣненіе закона, сообразно резолюціи, положенной присяжными«.

* Чтобы показать вамъ, наглядно различіе между устностію и гласностію правилъ 11 октября и новыхъ суд. уставовъ, мы могли бы указать на одинъ примѣръ стараго суда (впрочемъ, и вамъ, быть можетъ, не безъизвѣстный), въ которомъ самъ докладчикъ дѣла прерывалъ повѣреннаго, во время объясненій его разговаривалъ громко и смѣялся съ своимъ сосѣдомъ, и вообще держалъ себя такъ, что вызвалъ со стороны присутствовавшей публики просьбу о тишинѣ.

Признаемся, мы чувствуемъ даже нѣкоторое смущеніе предъ подобнымъ богатствомъ фантазіи и.... бѣдностію познаній. Развѣ присяжные разбираютъ преступленія? Они только »отвѣчаютъ на предложенные судомъ вопросы, опредѣляя виновность или невинность подсудимаго, по внутреннему своему убѣжденію, основанному на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла (ст. 804). А кто-же, г. Рашетъ производитъ судебное слѣдствіе, этотъ важнѣйшій актъ, отъ направленія котораго такъ много зависитъ самый приговоръ? а кто ставитъ самые вопросы, подлежащіе разрѣшенію присяжныхъ? Кромѣ того, неужели неизвѣстно г. Рашету, что, на основаніи статьи 818-й (уг. у.), »если судъ единогласно признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, то можетъ не принять рѣшенія присяжныхъ и постановить о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ«. Наконецъ въ уставѣ указаны преступленія, по которымъ постановляются приговоры вовсе безъ участія присяжныхъ (у. уч. ст. 202, 765, нѣкоторыя преступленія, указанныя въ кн. 3-ей отъ ст. 1000, также рѣшаются безъ участія присяжныхъ).

По неуловимой связи идей, г. Рашетъ оканчиваетъ свои юридическія положенія обра-

щеніемъ къ народу, защищая будто бы его права; упрекаетъ насъ въ томъ, что мы будто бы желаемъ »отнять у народа право участвовать въ судѣ, стѣсняемъ русское населеніе, налагая на него обязанность быть присяжными«, и заключаетъ: »кіевскій теоретикъ не воображаетъ себѣ, какъ дорого наши крестьяне и рабочій людъ платятъ за право участвовать въ судѣ?« Трудно понять, по какому поводу, въ настоящемъ случаѣ, г. Рашетъ превратился въ народолюба? тѣмъ болѣе, что мы нигдѣ не высказывали желанія отнять у народа право участвовать въ судѣ. Но дѣло въ томъ, что прозрачная завѣса народолюбія не въ состояніи скрыть истину: мы не знаемъ, кто стоитъ ближе къ интересамъ народа: тотъ ли, кто желаетъ немедленнаго введенія реформы, хотя бы и съ небольшими уклоненіями, или тотъ, кто, подъ видомъ интересовъ русскаго населенія, сплится отложить это введеніе въ отдаленное будущее. Не сомнѣваемся въ одномъ: нашъ народъ далеко не поблагодарилъ бы г. Рашета за желаніе оставить его при старыхъ судахъ. Кто не знаетъ, какъ нашъ народъ боялся старыхъ судовъ, и избѣгалъ малѣйшаго отношенія къ нимъ. И кто не читалъ о тѣхъ многихъ сценахъ въ нынѣшнихъ судахъ,

когда простые люди, истцы, выслушивали рѣшеніе, и тутъ же, въ виду всей публики, становились на колѣни и благодарили Бога и Царя за новые суды и наступившія лучшія времена. Что же касается до дѣласмаго намъ упрека г. Рашетомъ въ нашемъ теоретическомъ повѣдѣніи того, какъ дорого стоитъ нашимъ крестьянамъ правосудіе, то мы отъ всей души желали бы, чтобы въ настоящемъ случаѣ этотъ упрекъ былъ справедливъ. Но, къ сожалѣнію, уже давно мы потеряли нашу теоретическую дѣятельность, и знаемъ слишкомъ положительно, какъ дорого стоятъ платежи не только нашимъ крестьянамъ, но и многимъ другимъ лицамъ. Знаемъ даже и гораздо больше... Но объ этомъ поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ.

Мы разсмотрѣли главныя возраженія г. Рашета, и, надѣемся, достаточно познакомились съ степенью усвоенія имъ новыхъ и старыхъ уставовъ судопроизводства и съ направленіемъ его народолюбія. На этомъ мы могли бы окончить. Но въ его возраженіяхъ есть нѣсколько дорогихъ и въ высшей степени характеристическихъ признаній, ради которыхъ мы позволимъ себѣ остановиться еще на нѣсколько минутъ.

»На счетъ фразы, допущенной мною (въ мнѣніи поданномъ министру юстиціи) о кіевскомъ юридическомъ факультетѣ, я въ настоящее время только скажу, что если бы я могъ знать, что набросанное мною мнѣніе будетъ напечатано, то фраза та не была бы помѣщена.« Признаемся, подобная откровенность превзошла самыя смѣлыя наши ожиданія. Вѣдь университетъ и юридическій факультетъ есть учрежденіе государственное и публичное, и всякое замѣчаніе о нихъ, ради своего собственнаго достоинства и солидности, должно быть непремѣнно публичное, печатное. Иначе, какое же значеніе могутъ имѣть мнѣнія о дѣлыхъ учрежденіяхъ, если эти мнѣнія составляютъ тайну для самихъ учрежденій. Къ тому же, вы сообщали свое мнѣніе не въ своей семьѣ, не въ кругу друзей, но по службѣ, министерству юстиціи, которое сдѣлало вамъ запросъ о вопросѣ общественномъ и первостепенной важности. Если же такъ, то, надѣемся, мы имѣемъ нѣкоторое право спросить, почему же вы не помѣстили бы фразы печатно и публично, если допустили ее письменно и, быть можетъ, устно. Въ настоящемъ случаѣ намъ приходятъ двѣ мысли, или та, что данныя ваши были слабы и ненадежны, или.... впрочемъ вторую

мысль намъ непріятно высказывать даже и печатно. Ужъ не догадаетесь ли вы сами? Г. Рашетъ »предлагаетъ намъ обратиться къ министру юстиціи за данными, на которыхъ онъ основалъ свой отзывъ. Намъ кажется, что частному человѣку надо быть въ значительной степени неблаговоспитаннымъ, чтобы послѣдовать совѣту г. Рашета и обратить дѣло, касающееся учрежденія, въ предметъ личнаго любопытства.

Далѣе нашъ противникъ жалуется, что мы будто бы обозвали его »практикомъ, умѣющимъ только читать и писать«. Смѣемъ увѣрить его, что если бы онъ прочелъ нашу статью спокойно, онъ не отнесъ бы этихъ словъ къ себѣ, потому что мы тамъ этого вообще не говорили, да и не могли говорить, ибо знали, что г. Рашетъ воспитанникъ училища правовѣдѣнія. (Признаемся, однакоже, что не знай мы этого положительно, то, на основаніи мнѣнія г. Рашета, трудно было бы заключить объ его знакомствѣ съ курсомъ юридическихъ наукъ).

Еще г. Рашетъ жалуется на высказанное будто бы нами подозрѣніе въ томъ, что, при подачѣ имъ мнѣнія министру юстиціи, имъ руководила мысль »авось на мой вѣкъ хватитъ стараго порядка«. Не знаемъ, какое сцѣпленіе мыслей

и помышленій привело г. Рашета къ желанію причислить себя къ разряду такого рода лицъ; смѣемъ только замѣтить ему, что, высказывая приведенную фразу, мы имѣли въ виду не г. Рашета, а вообще лицъ, отлагающихъ реформу въ длинный ящикъ (которыя, хотя и очень изрѣдка, но высказываются), и съ этою цѣлію прибавили выраженіе: »оставляя въ сторонѣ личныя примѣненія«. Искренно сожалѣемъ, что г. Рашетъ не обратилъ вниманія на эту послѣднюю фразу; она избавила бы его отъ изслѣдованія своего душевнаго настроенія.

Въ заключеніе г. Рашетъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что не »онъ одинъ съ г. Черновымъ держится мнѣнія, что, при недовѣріи правительства къ полякамъ, невозможно ввести судебную реформу; но и предсѣдатель виленской палаты г. Зыбинъ. Мы просмотрѣли, однакоже, мнѣніе г. Зыбина, и къ сожалѣнію вынуждены лишить г. Рашета желаемаго имъ общества. Это потому, что во-первыхъ, г. Зыбинъ говоритъ только о преждевременности, а не о невозможности введенія реформы; во-вторыхъ г. Зыбинъ допускаетъ возможность нѣкоторыхъ уклоненій отъ судеб. уставовъ, и въ этомъ случаѣ гораздо ближе къ г. Миллеру, нежели къ г. Рашету: такъ г. Зыбинъ не отрицаетъ

возможности замѣнить выборныхъ мировыхъ судей правительственными (согласно съ г. Миллеромъ) и, говоря о присяжныхъ изъ мѣстныхъ жителей, высказываетъ мысль о необходимости укрѣпить въ тамошнемъ краѣ русское населеніе по крайней мѣрѣ на 1/3 всего населенія (г. Миллеръ высказалъ сходную мысль объ опредѣленіи процента польскихъ уроженцевъ въ числѣ 12 присяжныхъ).

А ужъ если г. Рашетъ непремѣнно желаетъ быть въ обществѣ, то мы позволимъ себѣ предложить ему несравненно болѣе подходящее сюда лице—редактора »Вятскихъ Губ. Вѣдомостей,« который сильно огорченъ реформою и говоритъ »мы склонны думать, что новая судебная реформа является у насъ не въ пользу охранительныхъ началъ, указанныхъ рескриптомъ 13 мая«.

Конечно, противъ редактора, объявившаго себя врагомъ реформы, протестовали вятскіе жители, протестовали »Московскія Вѣдомости« (№ 219) и многія другія газеты; самъ наконецъ редакторъ нарисовалъ свой портретъ въ довольно не лестныхъ для него чертахъ, говоря о себѣ: »я ничтожный литературный органъ административной власти, бдительно озирающійся кругомъ и съ безпокойствомъ смотрящій въ буду-

щее (вѣроятно, опасаясь реформы),—я въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ высказываюсь о новыхъ мировыхъ учрежденіяхъ и т. п.« По всему этому весьма понятно чувство, которое долженъ испытать каждый, оставшись въ обществѣ такого сотоварища, какъ редакторъ »Вятскихъ Вѣдомостей«; но что же дѣлать? Не наша вина, что »музыка складывается по пѣснѣ«.

П. Рещенкампфъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ. Ноября 14 дня, 1866 г.
Въ университетской типографіи.

2007041005